

Живой после смерти

Документальные свидетельства людей, выживших во время массовых экзекуций нацистов на территории Беларуси в 1941–1944 годах

Алексей ЛИТВИН, доктор исторических наук, профессор

Работая над документами по истории Беларуси периода Великой Отечественной войны, часто приходится встречаться с уникальными свидетельствами людей, случайно выживших во время расстрелов населения гитлеровцами и других массовых экзекуций. Истории эти не всегда возможно было осознать, особенно представив себя на месте их героев, но они всегда вызывали восхищение их мужеством. Казалось, у человека, стоявшего на краю расстрельного рва под дулами винтовок и автоматов или находившегося в охваченном огнем заколоченном сарае, не было никаких шансов выжить. Но, как рассказывают документы, случались исключения. Порой они находятся за пределами понимания, что заставляет поверить в чудо.

Именно так проще всего объяснить спасение бывшего жителя Хатыни Иосифа Каминского. Или малоизвестный случай с Клавдией Циро, жительницей деревни Бузово Верхнедвинского района. Во время проведения карательной операции «Зимнее волшебство» фашисты согнали в сарай жителей трех небольших деревень – Бузово, Шабалы, Корзуны – а затем расстреляли их из пулемета, установленного в окне здания. После этого сарай и саму деревню Бузово сожгли. Но одной из жертв каким-то чудом удалось вырваться из объятых пламенем строения.

Обстоятельства этого спасения спустя много лет после трагедии рассказала одна из местных жительниц В.С. Любимова: «Жена двоюродного брата моей мамы Циро Клавдия во время такой экзекуции была легко ранена и упала, на нее упали муж и сын. Когда уже начали тлеть тела, она поднялась, потрясла сына, мужа (они были мертвы – застрелены) и потом сама сквозь огонь выскочила на улицу. Каратели уже уехали, решив, что сделали свое черное дело. Она ушла в поле, где стоял стог сена, и зарылась в него. Спустя сутки после этой трагедии ее нашла разведка партизан и привезла к моим родителям. Она обо всем рассказала и партизанам, и моим родителям, но не выдержало сердце, как констатировал врач (я не знаю его фамилии), умерла от разрыва сердца» [1, с. 356].

О случайно выживших во время расстрелов и массовых карательных операций мы знаем из различных документов военного и послевоенного времени, из опубликованных и неопубликованных мемуарных источников, из официальных материалов Чрезвычайной государственной комиссии (ЧГК) по расследованию преступлений гитлеровцев, а также из

ОБ АВТОРЕ

ЛИТВИН Алексей Михайлович.

Родился в 1951 году в д. Семигостици Столинского района Брестской области. В 1973 году окончил Белорусский государственный университет имени В.И. Ленина.

В 1973–1975 годах служил во Внутренних войсках МВД СССР. В 1975–1984 годах – старший научный сотрудник Института истории партии при ЦК КПБ. С 1987 года – заведующий отделом истории Беларуси периода Великой Отечественной войны (в настоящее время – отдел военной истории и межгосударственных отношений) Института истории НАН Беларуси.

Доктор исторических наук (2003), профессор (2005).

Автор более 330 научных статей, ряда монографий.

Сфера научных интересов: военная история Беларуси периода Первой и Второй мировых войн, военное строительство, проблематика партизанской борьбы и коллаборационизма.

материалов судебно-следственных дел на бывших нацистских преступников и их пособников.

Большинство фактов описывалось по свежим следам событий. Таким свидетельствам придавалось важное значение в оценке действий нацистских преступников и они включались в официальные документы – акты городских, районных и областных комиссий ЧГК. Показания случайно выживших становились порой самыми вескими аргументами на судебных процессах против гитлеровцев и их пособников.

Так, в акте от 21 апреля 1945 года Речицкой районной комиссии ЧГК о совершенных немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками злодеяниях на территории Речицкого района и города Речицы за период оккупации с августа 1941-го по ноябрь 1943 года отмечалось: «О немецко-фашистских злодеяниях случайно оставшаяся в живых гр-ка Матвеева Екатерина Анатольевна комиссии рассказала: „В конце ноября месяца 1941 года все еврейское население города Речицы немцы согнали в 2-этажное здание фабричного района, огороженное колючей проволокой, куда было согнано примерно 785 семей, что составляло около 3000 человек, а затем приступили к массовому расстрелу. Примерно 25 ноября 1941 года утром к тюрьме, где содержались военнопленные, коммунисты и актив города, подъехали 3 автомашины, на которых грузили по 30–35 человек, а затем их увозили за город, где безжалостно расстреливали. Расстрел военнопленных, коммунистов и актива города длился с утра и до 4 часов вечера. Покончив расстрел военнопленных, немцы приступили к массовому расстрелу еврейского населения. В этот день, 25 ноября 1941 года в 4 часа вечера к лагерю, где содержались евреи, подъехали 7 автомашин. На каждую из них погрузили по 45–47 человек, а затем увозили за город и в противотанковом рву расстреливали. Процесс расстрела граждан проходил в следующем порядке: машины с нагруженными на них людьми подходили к противотанковому рву, из

▲ Расправа над мирными жителями на оккупированной территории. 1942 год

них выгружали по 15–20 человек, людей ставили в противотанковый ров, а затем из автоматов расстреливали их. К противотанковому рву подвели 7-ю машину, на которой находилась и моя мать. Вместе с другими мы с матерью были поставлены в противотанковый ров, по нам дали залп из автоматов – мы упали. Будучи ранеными, мы с большим трудом освободились от навалившихся на нас трупов...» [2, л. 337–339, 345].

В «Акте Барановичской городской комиссии ЧГК о преступлениях, совершенных гитлеровцами в г. Барановичи и его окрестностях» от 1 января 1945 года помещена выдержка из рассказа жительницы станции Лесная Серафимы Юдкевич, которая случайно осталась живой во время расстрела: «13 марта 1942 г. нас, 42 человека, вывезли на автомашине за ст. Лесная. Когда машина остановилась возле ямы, мы поняли, что были привезены на расстрел. Среди нас было 19 детей от 8 месяцев до 7 лет. Руководящий расстрелом немец по имени Роберт приказал всех грудных детей положить на краю ямы, а матерям стать возле них. Когда были расстреляны мужчины и женщины без детей, то по его команде немцы медленно штыками сбрасывали детей в ямы, а потом убили и матерей» [3, с. 230].

В акте Минской областной комиссии ЧГК о преступлениях гитлеровцев в окрестностях деревни Малый Тростенец от 25 июля 1944 года приведено свидетельство Степаниды Ивановны Савин-

ской, также случайно спасшейся во время расстрела. Минчанка С.И. Савинская была арестована СД 29 февраля 1944 года вместе с мужем Я.В. Савинским по подозрению в партизанской деятельности. После длительных пыток их в середине мая перевели в концлагерь на улице Широкой, а затем 30 июня 1944 года доставили к месту уничтожения в лагерь Тростенец. «Здесь мы все узнали, что нас привезли на расстрел. Мы слышали, как у передовой автомашины, где находились арестованные мужчины, раздалась команда „Выходи по два“, после чего слышались выстрелы из автомата и револьверов. Когда все заключенные этой машины были выведены и расстреляны, к этому же сараю подогнали нашу автомашину, и по команде немецких палачей заключенные женщины выходили по 4 человека из машины, ложились поверх уложенных трупов и расстреливались. Почти весь сарай был уже заполнен трупами... Вскоре очередь дошла и до меня. Я совместно с Голубович Анной и Семашко Галиной и еще одной женщиной, фамилии которой не знаю, по команде немцев вышли из машины и вошли на штабель трупов. Когда послышались выстрелы, я упала и была легко ранена в голову. Я лежала на трупах до позднего вечера...» [4, с. 105–106]. С.И. Савинской удалось выбраться из-под

трупов, выползти из горящего сарая и под покровом темноты спрятаться в болоте. Через 15 дней, вконец обессиленная, она пришла в Малый Тростенец, где и узнала, что Минск уже освобожден Красной армией [5, с. 188–189].

В акте Полоцкой областной комиссии ЧГК от 9 мая 1945 года приведены также свидетельства чудом спасшейся от расстрела Нины Ивановны Матецкой: «Я вместе с депутатом областного совета Матюшковым, учительницей Фальковской и другими 20 октября 1942 г. были арестованы немецким гестапо и заключены в лагерь 24 ноября 1942 года, нас, в количестве 8 человек, положили в закрытую автомашину, на которой подвезли к яме расстрела, где уже было 700–800 трупов, расстрелянных и раздетых догола. Из автомашины нас выводили по одному человеку и подводили к яме с трупами. Стоявший у ямы немецкий офицер ударял подводимого железным ломом по голове и сталкивал его в яму, и, если упавший проявлял признаки жизни, его пристреливали. Меня подвели к яме седьмой, стоявший рядом немецкий офицер ломом нанес мне удар по голове, после чего я потеряла сознание и выстрела не слышала. Находясь в яме, я пришла в сознание, почувствовала, что я ранена, по лицу текла кровь. Не слышала шума. Я вылезла из ямы, тогда, шатаясь, ушла в лес. Вечером, получив от знакомых одежду, ушла к партизанам» [6, л. 243–247, 256; 7, с. 87–88].

Сразу после начала освобождения территории Беларуси правоохранительные органы наряду с комиссиями ЧГК вели поиск нацистских преступников и их приспешников, причастных к совершению злодеяний, для предания их суду. В ряде случаев на судебных процессах приводились показания случайно выживших во время расстрелов людей. Многие из них были опубликованы в 1947 году в сборнике «Судебный процесс по делу о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в Белорусской ССР (16–29 января 1946 года)». Так, житель Борисова Д.Г. Мирук как свидетель показал на судебном засе-

▼ Скульптура «Врата памяти» мемориального комплекса «Тростенец»

дании, что 14 апреля 1944 года за связь с партизанами был арестован и находился в лагере рядом с фабрикой «Коминтерн»: «28 июня 1944 г., примерно в 12 час. дня, все мужчины были согнаны в один барак, а дети и женщины в другой. Конвой в лагере был усиленный. Скоро всех снова загнали во двор лагеря, женщин вывели на улицу и увезли, а мужчин, свыше 600 чел., оцепленных автоматчиками и пулеметами начали расстреливать. Я сам, раненный в грудь тремя пулями и одной в ногу, остался среди трупов, которые лежали тут же, а затем с трудом отполз к болоту и залез в сарай. Из этого сарая я видел все, что делалось внутри лагеря, как добивали ни в чем не повинных заключенных советских граждан...» [8, с. 122–123].

Свидетельница М.Д. Виноградова, бывшая узница фашистской тюрьмы в Бобруйске, на проходившем 24 января 1946 года судебном заседании дала показания о расстреле советских граждан гитлеровцами 5 апреля 1943 года. Женщина с пятью детьми проживала в Бобруйске, в марте 1943-го она была арестована жандармерией по подозрению в связи с партизанами и заключена в тюрьму, где подвергалась пыткам: «Через неделю меня вывели из камеры во двор, посадили в закрытую машину вместе с мужчинами, которых было 7 чел., и повезли по Минскому шоссе в лес около дер. Еловики. Привезли нас к ямам, остановили машину. Соскакивают полицейские, жандармы и говорят: „Сходите с машины“. Мы все сошли с машины. Полицейские стали по бокам, а жандармы сзади. Подвели к яме, приказали ложиться. Я была в середине мужчин, закрыла глаза руками и легла вдоль ямы. Когда положили мужчин, начали стрелять. Мне пуля попала в грудь. Мы лежали лицом вниз, я боялась, чтобы они не повернули меня и не посмотрели в лицо, но они не поворачивали никого. Я притворилась мертвой. Полицейские схватили лопаты и немного прикрыли нас землей. Когда ушла машина, я выкарабкалась из земли и на рассвете выбралась на Минское шоссе и добралась домой...» [8, с. 337–338].

В изданном в 1963 году сборнике документов и материалов «Преступления немецко-фашистских захватчиков в Белоруссии» опубликованы свидетельства жителя деревни Присна Могилевского района С.И. Пилунова – еще одного случайно выжившего во время расстрелов жителей Беларуси. Он был арестован гитлеровцами летом 1943 года и почти два месяца находился под следствием СД. Поводом для его ареста послужило обнаружение в документах убитого полицией командира взвода 121-го партизанского отряда А.И. Якубова упоминания его фамилии. В могилевской тюрьме он находился до 4 октября 1943 года, до времени, когда началась «разгрузка» казематов – заключенных партиями вывозили в душегубках за город.

Увезенному с последней партией заключенных С.И. Пилунову и его товарищам по несчастью фашистами была определена миссия по сокрытию следов гитлеровских преступлений – их заставили раскапывать места массовых расстрелов советских граждан в 1941–1943 годах, извлекать и сжигать их трупы. После чего все они также подлежали уничтожению. Однако С.И. Пилунову суждено было выжить: пуля, пробив грудь насквозь, не задела жизненно важных органов. Придя в себя, он выбрался из-под трупов. После

▼ Члены Военного трибунала Минского военного округа на заседании суда над немецко-фашистскими преступниками. Минск, январь 1946 года

долгих мытарств спасшийся узник оказался в партизанском отряде. Его рассказ о пережитом был срочно передан в Белорусский штаб партизанского движения. Отличительной особенностью этого документа является его чрезвычайная информативность, наличие множества фамилий, важных деталей об арестованных, об уничтожении советских людей и о том, как оккупанты скрывали следы массовых убийств [5, с. 148–149].

В материалах Чрезвычайной государственной комиссии, в Государственном архиве Российской Федерации удалось обнаружить свидетельства жителей города Турова о расстрелах мирного населения гитлеровцами летом 1941 года, во время карательной экспедиции, вошедшей в историю под названием «Припятские болота». В начале августа 1941-го каратели кавалерийской бригады СС убили в деревне Сторожевцы 49 человек, а затем сожгли ее. Еще 9 человек повели на расстрел на деревенское кладбище. Сделав свое черное дело, эсэсовцы, оставили трупы на земле, а сами уехали в Туров. Через какое-то время один из расстрелянных пришел в себя. Это был Николай Кириллович Левковец. Он был ранен в лицо, но ему удалось выжить [9, л. 2–4].

После освобождения Турова велось расследование обстоятельств массового уничтожения гитлеровцами его жителей. Свидетель Константин Карпович Бруй рассказал тогда следователю Шалыгину: «Особенно мне помнится 18 или 19 августа 1941 г. Отрядом СС было собрано с поселка Туров 96 человек мужчин (их) привели в д. Ридча, после чего отвели от деревни метров 200–300. В этой группе был и я. Когда отвели нас под конвоем от деревни, положили вниз лицом оцепили конвоем... Отводили по шесть человек и расстреливали. Таким образом был выведен на расстрел и я. Когда произошел выстрел, то меня ранило в шею, я упал вместе с убитыми и притворился как убитый. После меня была расстреляна еще одна партия в количестве 6 человек. После расстрела всех, все они ушли в неизвестном направлении, пролежав минут 15–20 все утихло, тогда я ползком от

убитых в болото и где встретились еще 3 человека из этой партии по фамилии: Черный Кирилл Иванович, Аретовский Павел Иванович, Бруй Петр Емельянович – все они уроженцы и жители поселка Туров» [9, л. 5].

В годы Великой Отечественной войны подвиг по спасению шестерых узников Пинского гетто совершила Софья Федоренко. На протяжении 21 месяца она прятала их в погребе своего дома, рискуя ежечасно своей жизнью и жизнью своей одинокой соседки, старушки Барановской. «Однажды, это было в три часа ночи, я услышала стук в дверь, – вспоминала впоследствии С. Федоренко. – Я сразу поняла, кто идет, и сказала Барановской: „Это, наверное, жандармы“. Так и было. В комнату вошло несколько человек. Первым вбежала собака – настоящий волк. И тут случилось нечто совершенно непредвиденное. В углу в корзине лежала моя кошка с котятами. Когда кошка увидела овчарку, она сразу цапнулась ей в глаза. Жандармы оторвали ее от собаки. Один из них махнул рукой и сказал другому: „Пошли“. Они даже не осмотрели дом и вышли. Когда я рассказала об этом евреям, Купер сказал: „Разве это не божий промысел, что кошка нас спасла“. Так прошел год. Им было все труднее сидеть в погребе. Иногда, когда после комендантского часа я говорила выходить наверх в комнату, чтобы немного отдохнуть, они жаловались: „почему псам и котам можно ходить по земле, а мы как прокляты“. Я их успокаивала как могла: „Будьте терпеливыми, немцы убегают, скоро все кончится“» [10, с. 244].

В конце июня 1944 года войска правого крыла 1-го Белорусского фронта, выйдя на оперативный простор, устремились из Слуцка в сторону Барановичей. Предчувствуя быстрый приход советских войск, гитлеровцы решили ликвидировать Колдычевский лагерь смерти. 1 июля наступил трагический день, когда в лагерь пришли комендант Йори, начальник внутренней охраны Калько и команда СС и СД из 21 человека. Они разделили узников на четыре группы, а затем повезли на расстрел. В числе обреченных был

священник клеткой Свято-Покровской церкви Георгий Александрович Хильтов, его жена Лидия Алексеевна, белорусский поэт Сергей Новик-Пяюн и его жена Людмила. Раздались выстрелы. Из этой группы удалось спастись только С. Новику-Пяюну: раненый он упал и притворился мертвым [11, с. 5].

В начале 1961 года в связи с расследованием преступной деятельности гитлеровцев, принимавших участие в сожжении Хатыни, следственными органами были допрошены в качестве свидетелей случайно спасшиеся во время карательной операции жители деревни Иосиф Иосифович Каминский и Антон Иосифович Барановский.

21 января был допрошен И.И. Каминский. Вот выдержка из этого документа, впервые опубликованного в сборнике «Хатынь. Трагедия и память»: «Следователь следственного отдела КГБ при СМ БССР капитан Мурашко допросил в качестве свидетеля Каминского Иосифа Иосифовича, 1887 года рождения, уроженца дер. Гани Логойского района Минской области, из крестьян, белоруса, гр-на СССР, беспартийного, малограмотного, несудимого, женатого, пенсионера, проживающего в дер. Козыри Логойского района...

ВОПРОС. Расскажите подробно об обстоятельствах уничтожения дер. Хатынь Плещеницкого района.

ОТВЕТ. 21 марта 1943 года, в воскресенье, в дер. Хатынь приехало много партизан, название отряда и бригады не знаю. Переночевав, утром еще было темно, большая часть их выехала из нашей деревни. В середине дня, то есть в понедельник 22 марта 1943 года, я, находясь дома в дер. Хатынь, услышал стрельбу около деревни Козыри, расположенной в 4–5 км от дер. Хатынь. Причем стрельба была большая, потом она прекратилась и вскоре снова на некоторое время возобновилась. Не помню точно, кажется, в 15 часов дня партизаны возвратились в дер. Хатынь и расположились обедать. Спустя час нашу деревню начали окружать немцы, после чего между ними и партизанами завязался бой. Несколько

партизан в дер. Хатынь было убито, в частности, я лично видел, что в моем огороде лежал труп убитой женщины-партизанки... Партизаны после часового, примерно, боя отступили, а солдаты немецких войск стали собирать подводы и грузить на них имущество. Из жителей дер. Хатынь они взяли в подводчики только одного Рудак Стефана Алексеевича, который погиб в 1944–1945 годах на фронте. Остальных жителей стали сгонять в сарай, расположенный в метрах 35–50 от моего дома, то есть в мой сарай... Размер сарая 12 x 6, в него согнали человек сто семь моих односельчан. Из сарая, когда открывали [двери] и загоняли людей, было видно, что многие дома уже горели. Я понял, что нас будут расстреливать и сказал находившимся вместе со мной жителям: „Молитесь богу, потому, что здесь умрут все“. На это стоявший у дверей сарая каратель по национальности украинец высокого роста, худощавый, одетый в серой шинели, вооруженный автоматом ответил: „О цэ, иконы топтали, иконы палили, мы вас сейчас спалим“... Обреченные на смерть люди, в том числе и члены моей семьи, сильно плакали, кричали. Открыв двери сарая, каратели стали расстреливать из пулеметов, автоматов и другого оружия граждан, но стрельбы почти не было слышно из-за сильного крика (воя) людей. Я со своим 15-летним сыном Адамом

▼ Мемориальный комплекс «Хатынь»

оказался около стены, убитые граждане падали на меня, еще живые люди металась в общей толпе словно волны, лилась кровь из раненых и убитых. Обвалилась горевшая крыша, страшный, дикий [крик] еще усилился. Под ней горевшие живьем люди так вопили и ворочались, что крыша прямо-таки кружилась. Мне удалось из-под трупов и горевших людей выбраться и доползти до дверей. Тут уже упомянутый мной выше каратель, по национальности украинец, стоявший у дверей сарая, из автомата выстрелил по мне, в результате я был раненный в левое плечо; пули как будто обожгли меня, поцарапав в нескольких местах тело в области спины и порвав одежду. Мой сын Адам до этого обгоревший, каким-то образом выскочил из сарая, но в метрах 10 от сарая, после выстрела упал. Я, будучи раненым, чтобы не стрелял больше по мне каратель, лежал без движения, прикинувшись мертвым, но часть горевшей крыши упала мне на ноги и у меня загорелась одежда. Я после этого стал выползать из сарая, поднимая немного голову, увидел, что карателей у дверей уже нет. Возле сарая лежало много убитых и обгоревших людей. Там же лежал раненый Етка Альбин Феликсович, у него из бока лилась кровь и, поскольку я находился рядом с ним, то кровь текла прямо на меня. Я еще пытался ему помочь, затыкал рукой рану, чтобы не текла кровь, но он уже умирал, будучи совершенно обгоревшим, на лице уже не было кожи, тем не менее он еще два раза сказал: „Спасай!“ – почувствовав мое прикосновение. Услышав слова умиравшего, Етки Альбина, каратель подошел откуда-то, ничего не говоря, поднял меня за ноги и бросил, я, хотя был в полусознании, не ворочался. Тогда этот каратель ударил меня прикладом в лицо и ушел. У меня была обгоревшая задняя часть тела и руки. Лежал я совершенно разутый, так как снял горевшие валенки, когда выполз из сарая. Лежа на снегу в луже крови, то есть смешавшейся со снегом. Вскоре я услышал сигнал к отъезду карателей, а когда они немного отъехали, мой сын Адам, лежавший недалеко от меня, в метрах примерно трех,

позвал меня к себе, вытащить его из лужи. Я подполз, приподнял его, но увидел, что он перерезан пулями пополам. Мой сын Адам еще успел спросить „Жива ли мама?“, и тут же скончался... Я сам подняться и двигаться не мог, но вскоре подошел ко мне мой шуринок Яскевич Антон Иосифович, проживавший на хуторе в полутора примерно километрах от дер. Хатынь, и отвел к себе домой, вернее, почти нес на себе» [12, с. 30–32].

Удалось вырваться из горящего сарая в Хатыни и 13-летнему подростку Антону Барановскому. 28 апреля 1961 года он также был допрошен в качестве свидетеля по факту уничтожения жителей этой деревни: «...Когда нас пригнали к сараю, то около сарая и в нем было уже много жителей нашей деревни... Озверевшие каратели закрыли дверь сарая, заполненного людьми, и подожгли его. Люди в отчаянии бросились к двери и стали ломать ее. Тогда каратели открыли стрельбу и, злобно усмехаясь, стали стрелять в обреченных на гибель людей. Плачем и стонами наполнился сарай. Люди, не обращая внимания на стрельбу, бросились в двери, но тут же расстреливались карателями. Я тоже бросился бежать из сарая. Но в метрах сорока от сарая каратели прострелили мне левую ногу разрывной пулей, и я упал. Истекая кровью, я еще долго слышал крики и стон людей в горящем сарае. Это продолжалось до тех пор, пока не обрушился подгоревший сарай... Лежа на снегу, я ожидал, что вот-вот кто-то подойдет из моих близких и окажет мне помощь. Так я пролежал до утра. Потеряв много крови и полузамерзший, я был поднят утром Рудак Стефаном (погиб на фронте), который возвращался домой на подводе...» [12, с. 40–41].

Архивные документы, воспоминания людей, переживших войну, материалы судебно-следственных дел на бывших военных преступников, а также документы противника свидетельствуют о том, что при проведении массовых акций уничтожения мирного населения, при проведении акций по расстрелу узников тюрем, гетто, концентрационных лагерей и т.д. были попытки со-

вершить побег, которые порой заканчивались успешно. При этом нередко обреченные на смерть нападали на конвоиров и разоружали их.

Такой эпизод, например, произошел 11 июля 1942 года, когда арестованных и приговоренных к расстрелу подпольщиков поселка Василевичи Речицкого района везли к месту казни в урочище Рубаники. Во время следования машин группа подпольщиков напала на охранявших их немцев. Но силы были слишком неравны. Истерзанные до полусмерти узники не смогли победить в этой схватке. Однако двоим из них – Павлу Алексеевичу Астапенко и Николаю Герасимовичу Алисейко удалось бежать [13, с. 255]. Так, свидетель С.М. Конопко на допросе 12 сентября 1947 года на вопрос: «Что Вам известно о расстреле еврейского населения в Лидском районе в 1942–1943 годах немецкими войсками?», дал следующий ответ: «8 мая 1942 года утром в городе Лида был массовый расстрел еврейского населения немецкими войсками. В этот день было расстреляно еврейского населения 6300 человек. В этот период, то есть в этот день 8 мая 1942 года, была расстреляна моя семья. Расстреляли мою жену Конопко Раису и дочь семи лет Сару. 8 мая 1942 года утром, в 3 часа, немцы окружили все еврейское население, где они располагались. Это место немцы называли гетто. Все еврейское население собрали в количестве 6300 человек и вывели на окраину гор. Лида, восточную сторону города, где были приготовлены ямы, и в этот день они расстреляли 6300 человек. Этот факт расстрела я сам лично видел. Я также был в этом окружении и мне удалось сбежать со стороны окраины леса...» [14, л. 36–37; 7, с. 168–169].

Приведенные примеры – лишь незначительная часть фактов из хранящихся в архивах и в народной памяти свидетельств о случайном спасении людей во время массовых акций уничтожения населения Беларуси нацистами и их пособниками. Дальнейший поиск сведений даст возможность получить более полную картину спасения во время карательных операций и экзекуций фашистских за-

▲ Картина
«Мать партизана».
Художник С. Герасимов.
1943 год

хватчиков, создать своеобразный информационный банк, содержащий краткие сведения о лицах, случайно спасшихся, и о событиях, предшествовавших этому. ─

ЛИТЕРАТУРА

1. «Зимнее волшебство»: нацистская карательная операция в белорусско-латвийском пограничье, февраль – март 1943 г. Документы и материалы. М.: фонд «Историческая память», 2013. – 512 с.
2. Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ) – Фонд 861. – Оп. 1. – Д. 6
3. Памяць: Гіст.-дакум. хроніка горада Баранавічы і Баранавіцкага раёна. – Мінск, БЕЛТА, 2000. – 736 с.
4. Лагерь смерти Тростенец. Документы и материалы / Сост. В.И. Адамушко [и др.]. – Минск: НАРБ, 2003. – 292 с.
5. Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии. 1941–1944. – Минск: Государственное издательство БССР, 1963. – 435 с.
6. НАРБ – Фонд 1363. – Оп. 1. – Д. 346.
7. Хатынская Стена памяти: док. и материалы / [сост.: В.Д. Селеменев (рук.) [и др.]; Деп. по арх. и делопроизводству М-ва юстиции Респ. Беларусь, Нац. архив Респ. Беларусь, Центр. архив Комитета гос. безопасности Респ. Беларусь; редкол.: В.И. Адамушко и др.]. – Минск: НАРБ, 2016. – 377 с.
8. Судебный процесс по делу о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в Белорусской ССР (16–29 января 1946 года). / Ред. Д. Лебедев. – Минск, Гос. изд.-во БССР, 1947. – 472 с.
9. Государственный архив Российской Федерации – Фонд 7021. – Оп. 91. – Д. 23.
10. Розенблат, Е.С. Пинские евреи. 1939–1944 гг.: научное издание / Е.С. Розенблат, И.Э. Еленская; Брестский государственный университет. – Брест, 1997. – 312 с.
11. Хільтоў, М. Браты Хільтовы – святары пакутнікі / Мікалай Хільтоў // Краязнаўчая газета. – 2015. – № 11. – С. 5.
12. Хатынь. Трагедия и память: документы и материалы / сост.: В.И. Адамушко [и др.]; предисл.: Н.В. Кириллова, В.Д. Селеменев, В.В. Скалабан. – 2-е изд. перераб. – Минск: НАРБ, 2014. – 272 с.
13. Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Рэчыцкага р-на ў 2 кн. Кн. 1. – Мінск: Беларусь, 1998. – 503 с.
14. НАРБ – Фонд 861. – Оп. 1. – Д. 7.